

Mogiljanskij, Aleksandr Petrovič

Кем же был Писемский

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. D, Řada literárněvědná. 1975, vol. 24, iss. D22, pp. [77]-82

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/108199>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ МОГИЛЯНСКИЙ

КЕМ ЖЕ БЫЛ ПИСЕМСКИЙ

Известно, что творчество А. Ф. Писемского представляет собою большую ценность. В этом вопросе спора как будто бы нет. Но в то же время пьесы Писемского ставят редко, о нем почти не пишут и мало издают его произведения. 150-летний юбилей Писемского (1821—1971) прошел незаметно, тем более, что гомеопатические доли уделенного ему внимания почему то были приурочены к разным датам (1970 и 1971 годы). Даже наиболее доброжелательные ученые пишут о Писемском как о писателе, у которого „не было ясного общественного мировоззрения“ и который „в разгар освободительного движения 60-х годов оказался в открытом конфликте с демократическим лагерем“.¹ А нередко о Писемском пишут кратко и просто: „реакционный писатель“.

Имеются ли какие-нибудь весомые причины для всего этого? Можно предположить неуважение к его имени, восходящее к событиям более чем столетней давности, связанным

1. с фельетонами Писемского в Библиотеке для чтения 1826 года (за подписью Старая фельетонная кляча Никита Безрылов),

2. с посмертной оценкой критической деятельности Н. А. Добролюбова А. Ф. Писемским и Е. Ф. Зариным и с ответом на нее Н. Г. Чернышевского,²

3. с поношением романа Писемского Взбаламученное море. В последние десятилетия наблюдается оживление интереса к этой проблематике. Надобно продолжать объективное изучение жизни и творчества Писемского без каких либо предвзятых целей, без желания доказать во что бы то ни стало закономерность давнего наложения на репутацию писателя несмываемого клейма.

Каков был в свете новых открытий идейный облик А. Ф. Писемского? Краткому ответу на этот вопрос посвящена настоящая статья.

А. Ф. Писемский еще в ранней молодости испытывал на себе самые противоположные влияния. Даже в костромской гимназии одни склоняли

¹ В кн. Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времен до 1917 года. М. 1967, стр. 386.

² Е. Ф. Зарин „Небывалые люди“, Библиотека для чтения 1862, № 1—2. — Н. Г. Чернышевский „В изъявление признательности“, Современник 1862, кн. 2, с. 389—394.

его к религии, другие — к общественному протесту. В московском университете (1841—1844) это повторилось на более высоком уровне. Возобладало при этом влияние критических статей В. Г. Белинского, ставшего одним из главных учителей писателя на всю его жизнь. Но Белинский воздействовал на писателя односторонне, выборочно. Реакция 1848 и последующих годов оказалась сильнее, приостановив процесс приобщения А. Ф. Писемского к прогрессивным идеям. Можно только удивляться тому, что в подобных условиях писатель нашел новый подход к крестьянине, к крестьянской теме в литературе. Его рассказ „Питерщик“ (1852) явился ярким тому свидетельством, однако это не мешало провинциальному писателю считать крепостное право нормой существования и гарантией благополучия крестьян. Крайнюю ограниченность общественных представлений Писемского блестяще показал в 1857 году Н. Г. Чернышевский в своей рецензии на его „Очерки из крестьянского быта“.³

Перелом в мировоззрении Писемского произошел только в 1856 году, под влиянием лондонских брошюр Герцена и личного общения с ссыльным Тарасом Шевченко. Не может быть подвергнуто сомнению при этом и благотворное воздействие ранних работ Чернышевского.

Последствия этого перелома сказались очень скоро, в том же 1856 году. В конце этого года Писемский написал рассказ „Старая барыня“ впервые отчетливо осуждавший крепостное право, разоблачавший его многосторонние проявления. Чернышевский оценил этот рассказ чрезвычайно высоко.⁴

Уже в 1857 году писатель пришел к приятию идей социализма. С этих пор сторонником социалистических идей он был неизменно, до самой смерти. В этом плане этапным произведением должен быть признан роман „Тысяча душ“, начерно законченный еще в 1857 году.

Затруднительность понимания этого капитального произведения заключается в том, что он был не только задуман, но в значительной мере и написан до перелома в мировоззрении его автора. По первоначальному плану герой романа, — разночинец Яков Калинович, — отрицательный образ. Однако с изменением мировоззрения писателя изменялся и его герой. Кстати сказать, изменение нравственного облика Калиновича также происходит в условиях острого перелома его психической жизни. В конце романа перед читателем действует убежденный социалист, борец с общественным злом. Как радикально мыслил себе герой романа эту борьбу видно из выброшенных цензурой его слов: „Наконец грустно за самое дело, в котором, что бы ни говорили, ничего не идет к лучшему, и чтоб поправить машину нашего из этого старья вынимать по одному винтику, а сразу надобно все сломать и все части поставить новые; а пока этого нет и просвету еще ни к чему порядочному не предвидится: какая была мерзость, такая есть и будет.“

Эту центральную для всего романа формулу Писемский неоднократно видоизменял, каждый раз усиливая ее. При этом свои воззрения Калинович определяет как социализм не только в рукописной редакции романа,

³ Н. Г. Чернышевский „Очерки из крестьянского быта. А. Ф. Писемский.“ Современник 1857, № 4.

⁴ Н. Г. Чернышевский „Старая барыня Писемского“, Современник 1857, № 3.

но и в первопечатной („Отечественные записки“, 1858, № 6, стр. 642). По принципам советской текстологии приведенная выше формула давно подлежала восстановлению в основном тексте романа. Но так как автор романа трактовался реакционным писателем, противоречащие его мировоззрению тексты, хотя бы и исключенные царской цензурой, восстановлены быть не могли... Комментарии в данном случае излишни.

Трактуя Писемского как реакционного писателя, и ныне некоторые исследователи видят в „Горькой судьбине“ прежде всего апологию религии, крепостного права и крепостнических порядков. Рассматривая знаменитую драму Писемского здесь только в идеологическом аспекте, мы можем лишь удивиться примитивизму и антиисторизму их представлений. С их точки зрения, по всей вероятности, крестьянина Анания Яковлева драматург должен был изобразить законченным атеистом, а помещика Чеглова-Соковина, в свою очередь, извергом и насильником. Подходя к „Горькой судьбине“ без предвзятой точки зрения, в ней можно увидеть прежде всего исключительно глубоко обоснованный протест против крепостного права и в то же время поразительно трезвое изображение крестьянства и его слабости. Недаром революционер М. Л. Михайлов с редкой точностью определил смысл происходящего в „Горькой судьбине“: „свои выдают своего“.

Если „Горькая судьбина“ по распространенному толкованию апология крепостничества, то роман „Взбаламученное море“ это как бы евангелие контр-революции и реакции. Об ошибочности такого понимания романа Писемского уже говорилось.⁵ Роман пропагандирует атеизм, материализм и социализм. В центре романа — жалкая попытка либерала Бакланова уничтожить партию Чернышевского (часть V, глава 2). Попытка потерпела провал, Бакланов вынужден капитулировать перед идеями Чернышевского (глава 5). Для того, чтобы показать, что он за Чернышевского и за социализм, Писемский на несколько глав (3—7) вводит в действие романа самого себя.

Для тех, кто усомнится во всем сказанном, полезно обратиться к роману „В водовороте“ (1871), представляющему собою как бы комментарий к „Взбаламученному морю“.

Более сложный материал, комментирующий роман „Взбаламученное море“, мы находим в журнале „Библиотека для чтения“, в 1861 и 1862 годах редактировавшемся Писемским. Без тщательного анализа этого богатейшего материала углубленное понимание идеологической позиции Писемского невозможно.

Зрелое мировоззрение Писемского характеризуется четырьмя основными и притом постоянными компонентами. Правильнее всего назвать их тяготением к атеизму, материализму, социализму и рабочему вопросу. Впервые во всей полноте это зрелое мировоззрение проявилось у писателя в 1862 году, чему в немалой степени способствовала его активная и столь трагически закончившаяся журнально-публицистическая деятельность.

Можно поражаться теперь той резкости в постановке названных нами

⁵ „Русская литература“, 1971, № 3, стр. 246—247. См. также „На рубеже“, 1956, № 1, стр. 182—184. С сожалением, в последнем тексте имеются не согласованные с автором вставки редакции.

проблем, которая воплотилась в различных статьях и рецензиях журнала Писемского за названные нами годы. В 1861 году целая серия статей затрагивала вопросы атеизма, бесправия американских негров, научной теории Дарвина (впервые в России), социализма, защищала философский материализм Чернышевского от нападок либеральной и реакционной прессы. В 1862 году в „Библиотеке для чтения“ центральное место занимают статьи в защиту прав рабочих, публикуются страницы, написанные самими рабочими об условиях своего существования.

В свете всех этих статей особый смысл приобретает разговор Бакланова и его гостей с Ливановым в романе „Взбаламученное море“.⁶ Не может быть сомнения о том, что речь генерала Ливанова является мастерски задрапированной позитивной программой самого автора.

С большей откровенностью говорится о том же самом (т. е. о положении рабочих и о неминуемой расправе с их эксплуататорами) в романе „В водвороте“ (1871) и в драме „Ваал“ (1873). В романе в качестве одного из трех героев социалистов, Писемский изобразил самого себя (а кстати, и свой конфликт с „Современником“). Мижлаков говорит о рабочих, противопоставляя их крестьянам, что за их дело „надобно голову свою положить“ (часть 1, гл. 12). Опубликование этой классической формулы почти совпало с паражскими событиями 18 марта 1871 года. Нужно полагать, что о рабочем вопросе в романе первоначально было не только это.

В „Ваале“ демократ Миревич так рисует судьбы капитализма: „Все усилия теперь лучших и честных умов направлены на то, чтобы купцов не было, и чтоб отнять у капитала всякую силу. Для этих господ скоро придет их час, и с ними, вероятно, рассчитаются еще почище, чем некогда рассчитались с феодальными дворянами“.⁷

В герое романа „Люди сороковых годов“ Вихрове писатель соединил собственную биографию с биографией М. Е. Салтыкова. И подобно этому в лице героя романа „Мещане“ Бегушеве слиты черты как Герцена, так и самого автора. Это показательно уже само по себе. Но особый интерес для нас представляет второе из названных совмещений, поскольку рабочий вопрос, как это видно из черновой рукописи романа, был „любимым вопросом“ Бегушева. И действительно, спор последнего с одним из важных персонажей романа Тюменевым о рабочем вопросе имеет исключительное значение. Не имея возможности обременять небольшую статью цитатами, мы изложим его кратко. По мнению Тюменева, фабрично-заводские „смешанные суды“ (речь идет об Англии 1870-х годов) приведут к тому, что рабочие и капиталисты „совершенно мирным путем столкнутся и сторгуются между собой“ (1,3). Эта реакционно-оппортунистическая перспектива приводит экспансивного Бегушева в состояние крайнего гнева. В связи с этим приобретает особый смысл позднейшее сообщение автора о том, что Бегушев помогал парижским рабочим.

Рабочий вопрос не забыт Писемским и в его последнем романе „Масоны“ (1880). В его эпилоге мы читаем: „Наступил сорок восьмой год. Во Франции произошел крупный переворот: Луи-Филипп бежал, Тюильри

⁶ А. Ф. Писемский. Взбаламученное море. Том 3, М., 1863, стр. 29—30.

⁷ Ваал (IV, 5). Собр. соч. в девяти томах. М., 1959, т. 9, стр. 422.

был захвачен, и объявлена была республика; главным правителем был назначен Ламартин; вопрос рабочих выступил на первый план".⁸

„Масоны“ весьма содержательны вообще, а в идеологическом отношении в особенности. Роман направлен против религии, мистицизма, идеализма. В лице главного героя романа, масона Марфина, автором изображен Федор Глинка. Марфину противостоят в идейном отношении: демократ доктор Сверстов и некто Батенев. Спор последнего с Марфиным представляет с нашей точки зрения несомненный интерес. Батенев советует Марфину: „Ну, походите в тамошний“ (т. е. Московский, А. П. М.) „университет на лекции естественных наук и вслушайтесь внимательно, какие гигантские успехи делают науки этого рода . . . А когда ум человека столь занялся предметами мира материального, что стремится даже как бы одухотворить этот мир и в самой материи найти конечную причину, так тут всем религиям и отвлеченным философиям не поздоровится, по пословице: „когда Ванька поет, так уж Машка молчи!“⁹

Таким образом идейный облик А. Ф. Писемского не столь элементарен, чтобы в суждениях о нем можно было ограничиться отзывами Н. А. Добролюбова (1860), М. Е. Салтыкова (1863) или какого-нибудь другого авторитетного лица. В первую очередь необходимо ознакомиться с его собственными произведениями, с его публицистической деятельностью. В ряду других демократов середины прошлого столетия мышление Писемского особенно своеобразно.

WER WAR EIGENTLICH PISSEMSKI?

Einige sowjetische wissenschaftliche Untersuchungen aus den letzten Jahrzehnten bringen neue Belege zur Problematik der Weltanschauung des Schriftstellers A. F. Pissemski, der traditionell als Reaktionär angesehen wird.

Die vorliegende Studie weist auf die Tatsache hin, daß für die Weltanschauung des reifen Pissemski vier grundlegende und konstante Komponenten kennzeichnend sind, die man als Hang zum Atheismus, Materialismus, Sozialismus und zur Arbeiterfrage bezeichnen könnte. Sein These unterstützt der Autor der Studie durch den Hinweis auf die redaktionelle und publizistische Tätigkeit Pissemskis seit 1862, durch Zitate und Erläuterungen von einigen Abschnitten aus seinen Romanen und Theaterstücken der sechziger und siebziger Jahre, einschließlich des letzten Romanes „Die Maurer“. Das ideologische Profil Pissemskis ist nicht so einfach, als daß sich das Urteil über ihn nur auf kritische Äußerungen von Autoritäten des 19. Jahrhunderts stützen könnte. Es ist nötig vor allem die publizistischen und künstlerischen Werke des Autors selbst eingehend kennenzulernen und zu analysieren.

Přeložila Eliška Hladká

POZNÁMKA K OŽIVENÉMU ZÁJMU O PISEMSKÉHO

Spisovatel Alexej Feofilaktovič Pisemskij dostal se pro svou netaktnost a netaktičnost na počátku šedesátých let minulého století do sporu s revolučními demokraty (spor měl i skryté osobní příčiny), v jehož důsledku byl jako umělec trvale odstaven na vedlejší kolej. I sovětská věda dlouho nechávala značnou část tvorby Pisemského bez povšim-

⁸ Масоны. Собр. соч. в девяти томах. М., 1959, т. 9, стр. 174.

⁹ Масоны (IV, 12). Собр. соч. в девяти томах. М., 1959, т. 8, стр. 564.

nutí, ač již Maxim Gorkij nejednou poukazoval na to, že tomuto „chytrému skeptikovi“ patří místo vedle předních ruských spisovatelů Gončarova, Ostrovského, Turgeněva, Leskova a jiných. Víval také záměr A. K. Fedina (bohužel, neuskutečněný) napsat o něm monografii. Nad neporozuměním staré ruské kritiky pozastavoval se na počátku 20. století i náš propagátor a překladatel ruské literatury Vilém Mrštík. Napsal: „Případ Pisemského je tím podivnější, že v řadách jeho odpůrců a o jeho díle bagatelně pišících kritiků byl i tak talentovaný a zaslouženým uznáním vyznamenaný Dobroljubov. [...] Zdá se, že kritická jeho neohroženost nebyla dost pevná, aby zviklati se nedala povšechným vzbouřením petrohradské žurnalistiky. Sic byl by právě v zájmu svých sociálně-utilitaristických idejí musil uhádnouti, jaký význam pro osudy ruské Pisemského romány mají, když tak znamenitě dovedl uhádnout a odhadnout celý smysl a celou tragiku postav Dostojevského, Turgeněva, Gončarova, Gogola, Puškina. Přeložil jsem z Dobroljubova ‚Oblomovštinu‘ a třeba jen si přečíst tuto knížku s romány Pisemského, aby vyšlo na jevo, jakým tónem, v jakých barvách byla by se nesla řeč Dobroljubova, kdyby byl Pisemskému nerozuměl, ale rozuměti chtěl.“ (Ze studie A. F. Pisemskij, Světová knihovna č. 639 až 640, Praha 1908, str. 10, 11, 24.)

V letech 1932—1945 vyšlo v SSSR při vydávání Vybraných spisů a korespondence Pisemského několik studií (P. N. Berkova, M. K. Klemana, J. A. Martynova, N. J. Pruckova) a k 125. výročí spisovatelova narození se objevila útlá knížka F. J. Jevnina. Ale teprve v posledních dvou desetiletích lze pozorovat větší zájem jednak o problematiku umělecké struktury románů Pisemského, jednak o ideové zaměření jeho díla vcelku. Někteří sovětská badatelé přejímají hodnocení starší ruské kritiky, tj. chápou Pisemského jako ideologa drobné šlechty, u něhož postupně sílila konzervativní tendence (P. B. Koz'min, M. M. Gin, F. J. Jevnin), jiní ukazují rozborem jeho umělecké metody a světového názoru na souvislost s gogolovskou školou (M. P. Jeremin, N. J. Pruckov, J. V. Kartaševová) a s revoluční demokracií, zvláště s Gercenem a Černyševským (A. A. Rošalová, N. N. Gruzinská aj.). K posledním se řadí i A. P. Mogiljanskij, usilující o ideovou rehabilitaci spisovatele na základě analýzy jeho díla. Nedá se říci, že by otázka světónázorového profilu Pisemského byla dnes již vyřešena s konečnou platností, neboť stále se o ni ještě diskutuje (viz např. polemiku mezi P. B. Koz'minem a A. P. Mogiljanským), ale je nesporně projevem tvořivého přístupu sovětské vědy a snahy po objektivním poznání na základě nově objevených faktů.

Vlasta Vlašínová